
МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

С. В. ГАВРИЛИНА

ПЕСНИ ИЗ НЕВОЛИ. КОЛЛЕКЦИЯ Н. И. ИМШЕНЕЦКОГО

В рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) находится коллекция Н. И. Имшенецкого.¹ Она состоит из 175 единиц хранения. Это тексты, записанные в Австрии, Венгрии и Германии у советских граждан — узников немецких концлагерей и у репатриированных. Русский офицер Н. И. Имшенецкий просил бывших узников записывать фольклорные тексты, которые они помнили и исполняли в неволе. Они записывались в 1945 г. В коллекцию входит разнородный как по жанру, так и по происхождению материал. Это народные песни, популярные в родных местах, тексты, переделанные из известных советских песен того времени, частушки, романсы, стихи, «девичьи дневники» и альбомы. Весь материал коллекции распределен по папкам в соответствии с местами, в которых он был записан: г. Кремс (Австрия), Котбус (Германия), Магдебург (Германия), — и отдельная папка с записями репатриированных граждан в Австрии, Венгрии и Германии. Коллекция предваряется очерком самого собирателя — гвардии старшего лейтенанта Николая Ивановича Имшенецкого — «Как я собирал фольклор».² Имшенецкий подробно рассказывает о своих встречах с русскими людьми, об обстоятельствах, при которых были сделаны записи. Первая такая встреча состоялась 16 февраля 1945 г., когда дивизия, в которой служил Н. И. Имшенецкий, форсировала Одер, заняла село Клишау и освободила около 60 русских женщин и девушек, угнанных в Германию. Русская дивизия выпустила людей из подвала, который немцы готовились взорвать. Вечером в доме одного местного помещика состоялся концерт-встреча, где бывшие военнопленные рассказывали о своей жизни, читали стихи и пели песни. Там Н. И. Имшенецкий записал первые фольклорные тексты. Авторы некоторых песен были жестоко наказаны немцами, а один из них — Вася-Василек, автор стихотворения «Тоска по Родине», — по словам очевидцев, был повешен гестапо в мае 1943 г.

Фольклор Великой Отечественной войны — тема, достаточно изученная в фольклористике,³ но материал, представленный в коллекции Н. И. Имшенецкого, уникален. Конечно, он перекликается с текстами времен Великой Отече-

¹ РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 116. Коллекция появилась в рукописном отделе в 1946 г., а в 1947 г. в газете «Вечерний Ленинград» появилась небольшая заметка, ей посвященная (Песни о любимой Родине. Коллекция офицера Н. И. Имшенецкого // Вечерний Ленинград. 1947. 16 февраля. № 39). Далее указание на архив опускается.

² Колл. 116. П. 1. Л. 1—11. Два отрывка из очерка Н. И. Имшенецкого были опубликованы в сборнике: Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 406—408. Публикацию подготовила Г. Г. Шаповалова. Очерк Н. И. Имшенецкого «Как я собирал фольклор» приводится ниже полностью.

³ Например: *Ефременков М. С.* Смоленская частушка периода Великой Отечественной войны // Смоленщина на связи времен героических. Смоленск, 1995. С. 111—116; *Кирдан Б. П.* Фольклор войны // «И поет мне в землянке гармонь...»: Фольклор Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 3—20; *Пушкарев Л. Н.* Письменная форма бытования фронтового фольклора // ЭО. 1995. № 4. С. 25—35; *Гудошников Я. И.* Русский песенный фольклор военных лет // Русские народные песни и частушки Великой Отечественной войны. Тамбов, 1997. С. 5—11 и др.

ственной войны, но по своему происхождению и способу записи аналогов у него нет.⁴

К сожалению, мы не имеем возможности в рамках данной публикации привести всю коллекцию полностью, поэтому печатаем ее выборочно, но в предисловии попытаемся дать краткое описание архивных материалов.

Основные темы песен коллекции — это родная сторона, воспоминания и тоска по матери, по дому, по любимой девушке или парню, тема разлуки. Например, пронзительный романс, записанный Тоней Буловой в городе Котбус (Германия):

Не для меня придет весна,
Весною Дон мой разольется,
И сердце жалобно забьется
С восторгом чувств — не для меня.

Не для меня в краю родном
Вокруг родные соберутся,
Иисус Христос воскрес прольется
В день Пасхи той не для меня.

А для меня фашистский плен,
Осудят сроком на 3 года.
Возьмет конвой меня с собой
И повезет меня в тюрьму.

Но для меня не одна тюрьма,
Сошлют на дальнюю сторонку,
Сойдут с конвоем (спозаранку),
Где пуля ждет давно меня.⁵

Или полная тоски «Элегия»:

Тихо рейнские волны вдаль мчатся,
Солнце их серебрит, золотит.
Легко в ту минуту на Рейн любоваться,
Легко сердцу больному рыдать и грустить.

Я у Рейна сижу и мечтаю
О Востоке о милom. Родном,
Край родимый я свой вспоминаю,
Вспоминаю отеческий дом.

Вспоминаю тебя, дорогая старушка.
Вспоминаю родное село,
Часто вижу во сне я избушку,
Где я детство провел весело.

Сердцу больно и очень обидно,
Тяжело мне страдать одному,
А конца-избавленья не видно,
Верно, нет еще время ему.⁶

Или «Песня о русской девушке»:

⁴ В последнее время наблюдается интерес к лагерному фольклору, но исследования посвящены советским лагерям. Например: *Волков О. В.* Погружение во тьму: Из пережитого. М., 2002; *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940—1991). М., 2001 и др. Единственное исследование фольклора репатрированных советских граждан предпринято Б. Е. Чистой и К. В. Чистовым (Преодоление рабства: Фольклор и язык восточных рабочих. 1943—1944 гг. М., 1998). Книга посвящена фольклору и языку остарбайтеров. Материалом служит картотека выписок из писем остарбайтеров (1300 карточек). Коллекция была прислана в октябре 1944 г. в Архив немецкой народной песни во Фрайбурге.

⁵ Колл. 116. П. 1. № 9. В круглых скобках указываются слова, которые не удалось точно разобрать.

⁶ Записала Вера Конева из Смоленска, 18 лет. Г. Магдебург, 1945 г., июль.

Я в плену, кругом забор колючий.
Ты на воле, я в чужой стране.
У реки под ивою плакучей
Ты грустишь частенько обо мне.

Скромный вид и гордая осанка,
Для меня — что может быть милей.
Будь для них не просто деликатна,
А частица Родины своей.⁷

«Письмо к матери» — одна из самых распространенных тем в коллекции:

Здравствуй, мать, пишу тебе открыто,
Пишет дочь тебе издалека,
Я жива. Но жизнь моя разбита,
Одинока, нищенска, горька.

Завезли меня в страну чужую
С одинокой, буйной головой.
И разбили жизнь молодую,
Разлучили, милая, с тобой.⁸

Множество переделок популярных песен — и народных, и известных советских — рассказывают о суровой жизни на чужбине:

Для чего я на свет родилась,
Для чего меня мать родила?
Для того, чтоб сидеть у барака
И несчастную жизнью узнать.

Знать, помру на германской постели,
Череп бросят в могилу кой-как.
И родные о том не узнают,
Не придет, не расплатится мать.⁹

То же в песне «Шахтер»:

С клеймом позорным на спине
Идут несчастные, шатаясь,
А немец станет в стороне
И смотрит вслед им, усмехаясь.¹⁰

О страшных подробностях плена рассказывает песня «Пленник». Мы приводим ее полностью.

Не тучи по небу сбились,
Дорога дрожала в пыли.
То пленников целые толпы
Куда-то на Запад вели.

Не скованы ноги цепями,
Но были цепей тяжелей.
Сочились глубокие раны
У этих несчастных людей.

Шли точно как мрачные тени,
Шли молча, без стоа и слез.
И если б кто знал, сколько горя
И муки в душе каждый нес.

⁷ Колл. 116. П. 1. № 5.

⁸ Колл. 116. Р. V, П. 1. № 11. Записано от Логуновой Гал. Ив. в г. Котбус (Германия) в мае 1945 г.

⁹ Колл. 116. Р. V, П. 1. № 16.

¹⁰ Колл. 116. П. 1. № 14.

Семь суток голодных нас гнали,
И вот наконец привели.
И сбросили в страшный концлагерь,
Вдали от родной стороны.

Но это не лагерь — кладбище,
Где тени грозили толпой,
Где смерть своей страшной ручищей
Ходила одна за другой.

Там голод и смерть бушевали,
Там тысячи братьев легли.
Как лёд, их на дровни бросали
И в лес поскорее везли.

Товарищи ямы копали
Холодной и вьюжной зимой,
И трупами их наполняли,
Сырой покрывали землей.¹¹

Многие бывшие пленные были молоды (18, 19, 20 лет), поэтому естественно, что темы любви, измены, ожидания счастья часто встречаются в текстах. Наряду с песнями здесь присутствуют и стихи, и даже шуточные отрывки из «Девичьих альбомов», приводим один из них — «Приказ»: «Все молодые люди, ухаживающие за девушками, не имеющие на это согласия, — привлекаются по статье № 43, как за охоту в запрещенной зоне».¹²

Лирические песни и романсы о любви и разлуке также широко представлены в собрании, например, «Цвела черемуха»:

Сияла ночь, в окно врывались гроздьа алые.
Цвела черемуха. А как она цвела,
Тебя любил, тебе шептал слова несмелые,
Ты в полночь лунную мне сердце отдала.¹³

Или «Над обрывом»:

Луна тихо плыла над рекою,
В саду тихо пел соловей,
Как счастлива была с тобою,
Тогда, над рекою,
Когда был ты со мной.¹⁴

Наряду с темой верности множество песен посвящены измене, причем предать друга может и девушка, ждущая солдата,¹⁵ и солдат, находящийся на фронте. Ниже приводим отрывки текстов, названные «Фронтные песни». Первая песня носит название «Письмо с фронта»:

С обидой пишешь ты письмо,
Что я забыл тебя.
Но ты поверь — я на войне,
Моя любимая.

Их много, мне не перечсть,
Ждут письма от меня.
И в Томске есть, и в Омске есть,
Моя любимая.

Еще ты пишешь — есть уж дочь,
Похожа на меня.

¹¹ Колл. 116. П. 1. № 93. Записал Саша Долгий, 1923 г. р., военнопленный из Витебска. Записано в июле 1945 г. в г. Магдебурге (Германия).

¹² Колл. 116. П. 1. № 81. Записала Вера Конева, 18 л., из Смоленска (г. Магдебург, 1945, июль).

¹³ Колл. 116. П. 1. № 119. Записала Евгения Коломиец, г. Магдебург (Германия), июль 1945 г.

¹⁴ Колл. 116. П. 1. № 5. Записал Петр Корейко.

¹⁵ Например, «Чудо» (Колл. 116. П. 1. № 26) или «Изменница Танюша» (Колл. 116. П. 1. № 30).

Ну что ж, расти, ведь я не прочь,
Моя любимая.

«А где отец малютки той?» —
Кто спросит у тебя, —
Скажи: «На фронте он погиб»,
Моя любимая.

Хотя везде горжусь тобой,
Ведь ждет меня жена,
К тебе я больше не вернусь,
Моя любимая.

Вторая песня называется «Ответ на фронтовое письмо», ниже мы приводим лишь его концовку:

Ты прав во всем: война, война —
Так я и не сержусь.
И если ты забыл меня,
Ничуть я не боюсь.

Таких, как ты — не перечеть,
Такой закон войны.
И в Томске есть, и в Омске есть
Такой подлец, как ты.¹⁶

Значительное место занимают в коллекции песни, которые люди помнят с мирного времени: это, в первую очередь, популярные песни советских композиторов, такие как «Катюша», «По долинам и по взгорьям», «Лейся, песня, на просторе», «Сердце в груди», «Огонек», «Парень молодой» и многие другие. Бывшие узники записывают и знаменитые «Семеновну» и «На Муромской дорожке». Конечно, остаются популярными и частушки:

Я в Германию поеду,
Знаю, я покаюсь.
И германской баланды
Вдоволь нахлебаюсь.¹⁷

С неба звездочка упала
На кривую линию,
Скоро миленький запишет
На свою фамилию.

Ах, вы германцы, вы германцы,
Дайте линию пройти.
Мне убитого, зарытого
Миленочка найти.

Милый пишет: «Надоело
Шапочки — пилоточки»,
А мне хуже надоело
Без тебя, залеточки.

Скоро, скоро я уеду,
Где высокие дома.
Открою форточку, заплачу —
Где ж ты, родина моя?

На Германской на границе
Ручеёчек течица.
Покажите ту больницу,
Где залетка лечится...¹⁸

¹⁶ Колл. 116. П. 1. № 21. Записал Петр Корейко.

¹⁷ Колл. 116. П. 1. № 7. Записала Т. Булова.

¹⁸ Колл. 116. П. 1. № 5. Записала Тоня Булова, угнанная в Германию, 1926 г. р., из г. Невеля, в г. Котбус (Германия) в мае 1948 г.

В коллекции присутствуют не только песни, но и стихи, чаще всего патриотического содержания. Некоторые из них сочинены в неволе, а некоторые записаны по памяти. Среди последних присутствуют и образчики русской поэзии. Например, записанное с незначительными ошибками «Не рассуждай, не хлопочи» Ф. И. Тютчева.¹⁹

Публикация подобного материала осложняется тем, что тексты записывали сами исполнители, и они существуют в виде рукописи. Естественно, что в текстах присутствуют орфографические и пунктуационные ошибки. Там, где орфография осложняет понимание материала, мы исправляем ошибки, отмечая это в комментарии. Пунктуация по возможности приближена к нормативной. Основные паспортные данные (исполнитель, время и место записи) там, где они присутствуют, пишутся в том порядке, в котором мы их видим в рукописи, и публикуются после текста. Тексты пронумерованы. Архивные шифры и комментарии к текстам приводятся в постраничных сносках.

Хотелось бы обратить внимание на то, что мы намеренно не даем строгого академического комментария. Это продиктовано тем, что тексты, на наш взгляд, в силу уникальности условий собирания являются материалом не только исследователя-фольклориста, но и культуролога, историка и, возможно, психолога. Подвиг Н. И. Имшенецкого следует особо отметить: в столь трудных условиях его человеческая любознательность и неподдельный интерес к фольклору помогли сохранить этот удивительный материал. Следует также учесть, что тексты, записанные бывшими узниками, отражают настроение людей, совсем недавно освобожденных и ожидающих долгожданного отправления на Родину, мечтающих о мирной жизни. Какая судьба их ждет там, как сложилась их жизнь, — это нам неизвестно. Вечная им благодарность и вечная им слава.

¹⁹ Колл. 116. П. 1. № 32. Записала Вера Орленок (ж.-д. ст. Дно) в г. Кремс (Австрия) в декабре 1945 г.

Н. И. Имшенецкий

КАК Я СОБИРАЛ ФОЛЬКЛОР

Это было в те дни, когда Красная армия, перешагнув границы фашистской Германии, вступила на землю врага, неся освобождение тысячам советских людей, насильно угнанных в проклятое немецкое рабство. Об этом трудно говорить, а еще труднее писать коротко. Придет время, и о наших делах сложат тысячи новых песен, баллад и былин, напишут сотни хороших и захватывающих книг, подробно расскажут и о тех, кто раздавил своими богатырскими руками самое страшное и ядовитое чудовище на земле — гитлеровскую Германию, и о тех, кто выплакал в фашистской неволе свои очи, кто провел в застенках гестапо и за колючей проволокой много-много кошмарных дней, о тех, кто пронес через тысячи смертей и пыток неугасимую любовь к своей матери-родине, которая вдохновляла их на великие подвиги, придавала им силы в борьбе и вселяла в сердца надежды на скорое избавление от всех страданий и мук. Излишне говорить о том, что немцы душили всякое живое слово в русских людях, которых они, заперев в неволе, всячески истребляли и глумились над ними. Они запрещали петь русские и украинские песни, беспощадно расправлялись с теми, кто занимался «вольнодумством» и сочинял сам песни о своей мучительной жизни. Немцы могли расстрелять или повесить того, кто, не боясь смерти, говорил правду убийцам в глаза, они могли запретить произносить такие дорогие каждому русскому человеку слова, как «Родина», «Москва», «Победа», но они не могли зажать рот русскому народу, русским невольникам, они не могли заставить их замолчать. Тайком от полицаяев, фюреров, надзирателей, предателей и всей многочисленной охранной своры лагерей создавались и распространялись новые, рожденные в муках и крови, песни, песни невольников, песни мучеников, песни дочерей и сынов России. Часто авторов, первоначально сочинивших такую песню, немцы казнили, но песня продолжала жить. Она передавалась из уст в уста, ее изменяли, дополняли в нее то, о чем не было сказано, и песня, рожденная самим народом, кочевала из камеры в камеру, из лагеря в лагерь, из одного го(ро)да в другой. Мне, как собирателю фольклора, часто приходилось в разных городах слушать различные варианты одной и той же песни. Об истории создания отдельных песен я расскажу ниже. До войны мне никогда не приходилось собирать фольклор, и вообще о его своеобразных законах существования я имел самые ограниченные представления. То, что я увидел и услышал от первых русских людей, освобожденных частями 1-й гвардейской глуховской артиллерийской краснознаменной орденов Ленина, Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизии прорыва резерва Главного командования Красной Армии, в составе которой воевал и я, поразило меня до глубины души. Я впервые почувствовал, как велика сила народного слова, сила народной песни и частушки. Я понял, что в них — настоящая русская душа, русская удаля, русское упрямство и вера в свой народ, вера в саму Россию. Я почувствовал, что русская песня и неподражаема, и неповторима. Так просто, ясно и доходчиво может говорить только сам народ.

16 марта 1945 года. После прорыва вражеской обороны на Сандомирском плацдарме на реке Висла немцы попятились назад, не в силах сдержать всевозрастающий натиск частей Красной Армии. Они уже не могли в Польше закрепить прочно, хотя бы на одном промежуточном рубеже, и вот настал день, которого мы ждали страшных три года; настал день возмездия и расплаты врагу за все злодеяния на нашей земле. Красная Армия вступила на территорию гитлеровского государства.

Мы дошли по вздыбленным дорогам,
Танками и пушками пыля.
Вот она — звериная берлога,
Вот она — немецкая земля.
Отомсти боец проклятым гадам,
Чтоб навек пути забыли к нам.

Слава русским доблестным солдатам!
Слава храбрым сталинским орлам!

Отступая в глубь Германии, немцы долгое время угоняли с собой не только русских военнопленных и увезенных в рабство, но и насильно эвакуировали поголовно все немецкое население. Однако вскоре им пришлось отказаться от этого, т. к. Красная Армия, преследуя врага по пятам, не давала ему опомниться и безостановочно гнала его в глубь страны. 16 февраля 1945 года части нашей дивизии форсировали реку Одер и заняли село Клишау. Здесь мы освободили около 60 человек русских женщин и девушек, вывезенных гитлеровцами в неметчину. Это была первая наша встреча с русскими людьми на территории Германии. Гвардейцы-артиллеристы на плечах отступающего врага ворвались в село и не дали эсэсовцам выполнить свое очередное страшное злодеяние. Все русские люди были согнаны в один подвал, который было приказано взорвать. Но возмездие настигло убийц и покарало их. Русские люди, ждавшие в каменном мешке смерти, не могли сразу опомниться при виде воинов с красной звездой на шапке. Они бросились навстречу своим избавителям и жадно целовали их загорелые, обветренные огнем боев лица, их прокопченные гарью шинели. Они плакали от счастья и проносили их имена как самое святое, как самые дорогие и желанные. Среди них были девушки из Оредежи Ленинградской области, мать и дочь из Бобруйска, сестры¹ из Кисловодска, пожилая крестьянка с двумя детьми из станицы² Клетская. Были среди них белорусы, украинцы, русские и молдаване. Наша бригада расположилась в Клишау на ночлег. Вечером в доме одного местного помещика состоялось нечто вроде вечера с концертом. Девушки рассказали о том, как они три года терпели самые унижительные оскорбления и издевательства от бауэров (богатых немцев), у которых работали в хозяйстве в качестве чернорабочих. «Мы не плачем сейчас, — говорила нам старая женщина из Гатчины — Мария Арсентьевна Иванова, — наши глаза сухие. У нас нет слез, мы их выплакали в ожидании вас, дорогие мои детки. Спасибо вам от всего материнского сердца. Спасибо вам от русских людей, которым вы принесли свободу и счастье». Одна из девушек по имени Оля, 17 лет, тут же прочла стихотворение «Пройдут года». Записанное неведомо кем, но известное многим. Она гордо вскинула голову и задорным девичьим голоском, твердо и уверенно стала декламировать:

Пройдут года и много-много времени,
Уступят внуки нам дорогу, старикам,
Нас на покой снесут, чтоб отдыхать от бремени,
Но наш прошедший путь поведают векам.
Да. Будет что своим любимым внукам
Порассказать про наш двадцатый век,
Каким жестокостям, каким был предан мукам,
Непокоренный русский человек.
Когда начнешь рассказывать ты внуку
Про то, как враг наш край уничтожал,
Ухватит внук твою худую руку
И скажет, чтобы ты не продолжал.
Но ты, не замечая страх внучонка,
Поведаешь ему, как враг губил людей,
Как жег в огне и деда, и ребенка,
Как убивал отцов и матерей.
Как угонял людей он наших в рабство
И заставлял нести тяжелый труд,
Морил их голодом и всяко издевался,
Велел купаться, лезть в холодный пруд.
Как миллионы братьев наших гибли
От рук врагов, бандитов, пауков,
Они не дожили до счастья, не достигли
Освобождения от тюрем и оков.

¹ В тексте: *сестра*.

² В тексте: *станции*.

Так будет дел рассказывать внучонку,
 А внук прижмется плотно к старику
 И вдруг, поднявши детскую ручонку,
 Он крикнет, как проклятье: «Смерть врагу!»
 И этот страшно резкий крик ребенка
 Дойдет до уха злого паука,
 И у бандита выпадет винтовка
 И кровь застынет в сердце у врага.³

Эти стихи произвели потрясающее впечатление на бойцов и офицеров, присутствующих на вечере. Тут же выступили бойцы и офицеры, рассказали девушкам, как они бьют немцев, и поклялись трижды отомстить проклятым убийцам, мучителям и душегубам за кровь, слезы и страдания русского народа.

После этого вторая девушка по имени Нина, 18 лет, продекламировала другое стихотворение — «Тоска по Родине». Она читала:

Люблю тебя, страна моя родная,
 Люблю тебя, мой мирный, тихий край.
 Душой и сердцем по тебе страдая,
 Прошу тебя, меня не укоряй.
 О, если б знала ты мое страданье,
 Мою тоску, тоску лишь по тебе,
 Тогда бы смогла понять мое признание,
 И рассказать немного о себе.
 Как много ты перенесла несчастья,
 И много нес страдания твой народ,
 Но близок час освобожденья, братья,
 Рассвет идет, рассвет идет.
 И сердце нас зовет к борьбе и мести,
 Чтоб к счастью новому цветущему дойти.
 Чтобы плечом к плечу пошли все люди вместе,
 Сражая зло с неправдой на пути.

Третья девушка, 20 лет, по имени Надя прочла стихотворение «Спасибо русским богатырям!». Я вспоминаю только две его строфы:

Вы принесли нам избавленье
 От мук, позора и оков,
 Примите же благословенье —
 Уничтожать и бить врагов!
 Потоп кровавый прекратился,
 Палач покинул эшафот,
 Кровавый Гитлер провалился
 И с ним фашистский хоровод.
 Теперь одна мечта осталась —
 Скорей на родину, друзья,
 Там мать-старушка стосковалась,
 Там ждет тебя твоя семья.

Вышеупомянутая Нина рассказала, что стихотворение «Тоска по родине» написал некий Вася-Василек,⁴ фамилию которого никто не знает, и что гестапо его

³ По ритмике и некоторым стихотворным строкам можно предположить, что источником этой песни была песня «Пройдут года (песня трудовых резервов)» (слова М. Исаковского, музыка В. Захарова).

⁴ Возможно, что свое прозвище неизвестный герой получил благодаря популярной песне «Вася-Василек» (слова С. Алымова, музыка А. Новикова). В песне, в частности, есть такие слова:

Что ты, Вася, приуныл,
 Голову повесил,
 Ясны очи замутил,
 Хмуришься, невесел?
 С прибауткой-шуткой в бой
 Хаживал, дружочек,
 Что случилось вдруг с тобой,
 Вася-Василечек?
 Ой, милоч,
 Ой, Вася-Василек!

за эту песню повесило на глазах у всего лагеря. Это было в мае месяце 1943 года в немецком городе Франкфурт-на-Одере. И про этого Васю-Василька тоже сложили песню, но записать мне ее не удалось. Здесь же девушки спели песню «Фонарики», из которой я помню только один куплет:

Фонари, фонари,
Фонарики-огни горят.
Про юные года,
Про девушку мою твердят.

Пели много и других песен. Я поинтересовался, кто их сочинил, когда и где они их услышали. Девушки мне рассказали, что все эти песни и стихи сложены русскими военнопленными и угнанными насильно в Германию. Авторов они не знают, однако стихи и песни эти полюбились каждому, кто горячо любил свою родину и верил в нашу победу. И они начали бытовать по концлагерям, рабочим командам и просто по городам и селам Германии, где были русские люди. Эти песни правды были неуловимыми. Они проходили мимо часовых и мимо душегубок, их нельзя было ни убить, ни повесить, ни уничтожить. 16 февраля 1945 года останется в моей памяти на всю жизнь. В этот вечер я узнал, что такое русская песня, которая родилась и выросла за колючей проволокой. Она вывернула мне душу наизнанку, и я еще раз понял, как велик и как бессмертен народ России. После вечера я собирался записать все слышанные мною песни и стихи. Но раздался сигнал тревоги, и я с полком ушел в бой, не успев записать ни единого слова. И только после войны, в июле месяце 1945 года, проезжая по Австрии, я остановился в небольшом провинциальном городишке Шремс в 30 километрах от границы с Чехословакией и зашел в лагерь репатриированных русских граждан. Разговорившись о фольклоре, я попросил репатриантку Эшмидт Елену, которая больше всех знала стихов и песен, записать некоторые из них. И я был совершенно поражен, когда она записала почти такими же словами стихи «Пройдут года», «Тоска по родине» и «Девятое мая», которые я слышал четыре месяца раньше на территории Германии. Если те песни были известны во Франкфурте-на-Одере и прилегающих к нему районах, то Эшмидт Елена находилась в лагере в немецком городе Линц. Следовательно, эти стихи и песни кочевали по многим лагерям и городам Германии. Такова история этих стихотворений. Стихи «Чудо», «Девятое мая», «К моему народу», «Песня невольников», «Беглецы», «К новой жизни», «На закате», «Жизнь в лагерях», «Лирическая песня» и «Фронтовые друзья» я записал со слов репатрианток Елены Шмидт, которая прибыла в Шремс из г. Линц, и Раисы Ильчуковой, прибывшей из г. Магдебург. «Песни про лагерь», «Родина зовет», «Грянул час», «Песня невольников» записала репатриантка Мария Загоровская в мае 1945 г. В г. Магдебург в июле 1945 г. записаны «Воспоминания о Германии», «День воскресенья было», «Как недавно были на воле», «Раскинулась площадь вокзала», «Элегия», «Крутит-ся, вертится всюду наш брат», «Скучные дни», «Под маркою всех добровольцев», «Лагерь сборного пункта», «Русским я умру», «Мамуся», «Записка пленного» и «Русская девушка», «Мой край», «Мечты в пустой душе». В средних числах марта месяца 1945 года наша дивизия вела бои на р. Нейсе под городом Мускау. Наш полк остановился в небольшом селе Лайпе. Я зашел в один дом, где размещались освобожденные русские люди. Они мне рассказали о том, как мучили их немцы и как они ждали прихода Красной Армии. Тут же мне было рассказано много интересных анекдотов про Гитлера и про немцев. Я попросил одного киевлянина, Петра Корейко, написать мне все, что он знает из народных стихов и песен. Петр Корейко записал «Сон Гитлера», «Моя жизнь», «Шахтер», «Песня о русской девушке», «Родине», «Наш вождь», «Над обрывом», «Голова ты моя удалая», «Песня невольников», «Моя песня» и «Фашистам». Когда я его попросил назвать авторов этих песен, Корейко мне сказал: «Кто их сочинил, я не знаю, но эти стихи знают многие военнопленные. Я только обработал „Песню о русской девушке“». После окончания войны в мае 1945 года я был в служебной командировке. Мне пришлось проехать через всю Германию. В городе Котбус был самый большой лагерь

для русских репатриантов. И хотя я имел очень ограниченное время, все-таки для того, чтобы записать народные песни, я посетил этот лагерь. Вечером в саду гуляли тысячи молодых девушек и парней, навсегда освобожденных от унижительных рабских цепей. Кругом слышались песни и смех, катались на лодках, затевали всевозможные игры и плясали. Я подошел к группе, где на немецкой гармошке лихо перебирал пальцы молодой чубастый гармонист. В кругу плясали две девушки, по очереди запевая частушки. Мне они очень понравились. Когда девушки кончили плясать, я попросил одну из них, Булову Антонину Филипповну, 1926 года рождения, жительницу города Невель, записать мне все частушки, которые она знает, что она и сделала. Кроме того, она записала и такие песни, как «Семеновна» и «Моряк».

Там же репатриантки Александра Корякина из Минска, 18 лет, и Логунова Галина Ивановна из города Невель записали по моей просьбе «Частушки», «Пишу письмо тебе открыто» и «Совершилось».

Андрей Иконников из Калининской области записал вместе с Валентиной Пономаревой стихотворение «Плен» и песню «Огонек». Семен Долгий из Витебска записал стихотворение «О родине». Там же, недалеко от Магдебурга, в городе Шпиркраде-Обергаузен со слов Василия Щепко были записаны стихи песни «Лейся, песня», «В ущелье Германии». Последняя записана от того же Щепко в городе Геммерс в июле 1945 г.

Большинство фольклорных песен я записал в городе Магдебурге за период июль — ноябрь 1945 года. Город Магдебург — это третий и по величине, и по промышленному значению город Германии. В нем было огромное количество и концлагерей, и обыкновенных лагерей. Прибыв в город Магдебург, я побывал в каждом из таких лагерей, лично осмотрел их, а также был во всех лагерях для русских репатрированных граждан. Я беседовал с сотнями людей самых различных возрастов, профессий и степеней образования. И характерно то, что люди одного района или города знали все песни, бытовавшие в их районе, и гораздо меньше знали песен, бытовавших в других районах Германии. Безусловно, что то, что я собрал, является тысячной долей того, что можно было собрать от тех людей, с которыми я беседовал. Но я был прежде всего солдат войны, офицер, я выполнял свой долг, а уж фольклором я занимался в строго ограниченное личное время, которого у меня, кстати сказать, было очень мало.

Однажды в июле месяце 1945 года в одном из лагерей репатрированных меня как русского офицера пригласили русские девушки к себе на вечер. По моей просьбе они исполнили все песни, которые знали. Я заинтересовался частушками и попросил рассказать, как они складываются. Девушки охотно выполнили мою просьбу. Причем в моем присутствии девушки сочинили о моем к ним приходе несколько частушек. Делалось это так. Одна девушка запевала первую половину, вторая добавляла, и готовая частушка звучала радостно и ново.

Назову песни и стихи, записанные мною в Магдебурге. Шкляренко Галина, примерно 19 лет, из Киева, образование 7 классов, записала такие песни, как «Песня о Калыме», «Песня о 1941 году», «Заря взошла» и «Расставанье».

На этом вечере была исполнена «Партизанская» песня. Простая народная музыка доходит до самой души и берет за сердце. Я очень был доволен этой песней. Записана она мною была со слов Христианского Валерия, 20 лет.

Сергей Галунов из Рязани, 22 лет, записал песни «Пленник», «Песня о родине», «Ответ» и «Русские девушки». Песни «Мать», «Мама», «Катюша» и «Танго» записаны Верой Лайбенко из Винницы, 20 лет.

Особенно много песен записала Павлюченко Мария Кузьминична, 1925 года рождения, уроженка и жительница Киевской области, Дергачевского района, села Ольшаны, ул. Калинина, дом № 2. Она записала следующие песни: «Гордитесь, русские, своей простой душой», «Немцы объята тоской», «Песня», «Песня о жизни в лагерях», «Любимый город», «Капут», «Германию скоро покинем», «Привет вам, сестры родные», «Расстались мы», «Отчизна», «Ночка», «Мои воспоминания» и «Катюша». Со слов Марины Снегиревой из Вязьмы записаны песни «Парти-

занская», «Песня невольниц», «Вспомни про родной край», «Исковеркана жизнь молодая», «Письмо с востока», «Возрождение», «Страдания и провожания». Больше всех записала частушек Мария Найдено из Харькова, 18 лет. Она же записала песни «Изменница Родины», «О пленной жизни в Германии» и «лагерные частушки».

Ефимычев Николай из города Сумы записал «Девушка из Германии». С его же слов записана «Элегия» и «Родина». Исключительный по своей художественной ценности и образности материал записан Евгенией Коломиец, бывшей учительницей из Киева. Ей 21 год. Она сама любит народную песню и очень много знает их. Ею записаны следующие песни: «Возвращаемся», «Як жити хочецця», «Девушке», «Горе и радость», «Родина-мать», «Проводы», «Шар голубой», «Русской девушке», «Катюша», «Ты уходишь», «К девушке», «Вернись», «Цвела черемуха», «Девушка с востока», «Розы» и «Доля».

Последним местом сбора мною фольклора был австрийский город Кремс, расположенный на живописном берегу голубого Дуная, где я был в декабре 1945 года. В Кремсе я посетил небольшой лагерь репатриированных русских граждан и записал несколько песен. Так, псковитянин Виктор Макушев записал песни «В неволе» и «Ветер поет на прощанье», песня «Изменница Танюша» записана со слов Байдакова Михаила из города Чернигова 21 года. Песню «Год новый» написала Александра Бойченко из Запорожья, примерно 18—19 лет. Особенно интересную песню «Ухабы» записала Вера Орленок со⁵ ст. Дно, 20 лет. Эту песню поют на хороший народный мотив, напоминающий цыганский романс. Так я собирал фольклор. В заключение хочется сказать, что ни единой строки я не записал ни от бойцов, ни от местных жителей. Все это записано со слов русских военнопленных, а больше всего со слов репатриированных русских граждан.

Хочется верить, что песни, собранные мною в различных уголках Европы, станут достоянием широких масс читателей и расскажут поколениям о чудо-богатырях, о героях XX века, о сынах России, которые повергли на колени самого сильного врага и спасли от уничтожения и истребления весь мир.

Героическая Красная Армия выполнила свой долг перед потомками и перед Россией. Этому мы обязаны прежде всего нашему великому вождю, гению человечества и славному полководцу — генералиссимусу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Так, смерть неумолимую осилив,
Шли русские с девизом «Победить!»
Шли навсегда бессмертие России
И счастье поколений утвердить.

Гвардии старший лейтенант
Имшенецкий Николай Иванович

1

Партизанская песня

По лугам легли туманы,
Ночка темная идет —
Удалые партизаны
Собираются в поход.

Тучи небо принакрыли,
Не видать тропы лесной,
Собрались, говорили
Партизаны меж собой.

— Встанем, братья, на защиту
Нашей воли дорогой!

⁵ В тексте: *из*.

Наше поле все побито,
Злой потоптано ногой.

Выйдем, братья, на защиту
Нашей воли дорогой!
Наше поле все погибло
Злой потоптано ногой.

Выйдем, братья, дружной силой,
Бейся гневом каждый шаг,
Ты найдешь себе могилу,
Ненавидистный, лютый враг!

Отомстим за кровь, за слезы —
Те, кто молод, те, кто стар, —
Поднимайся к небу, грозный,
Вейся, пламенный пожар!

Мы заложим ночью темной
Все тропинки, все пути,
Чтоб врагу дорогой торной
Ни проехать, ни пройти.

И как прежде бились деды,
Не сдавались до конца,
Будем биться до победы
Мы за Сталина-отца!

Тучи небо принакрыли,
Стихло все во тьме ночной, —
Собирались, выходили
Партизаны в жаркий бой.

Записала В. Конева — бывшая пленница концентрационного лагеря в г. Магдебурге (Германия).⁶

2 Чудо

Не один раз видел чуда,
Дорогие господа,
Но такое еще чудо
Я не видел никогда.

Познакомилась Маша
С немцем Гансом на Руси.
Немец Ганс такой хороший,
Все дает, что ни⁷ проси.

Всех девчат мы нравы знаем —
Они любят шоколад.
Ну у Ганса с милой Машей
И пошли дела на лад.

Немец Ганс за милой Машей
День и ночь начал ходить
И для доброй, милой Маши
Шеколадик приносить.

Так гуляет наша Маша
С немцем Гансом месяц-два.

⁶ ИРЛИ. Р. V. Колл. 116. П. 1. По ритмике текста можно предположить, что источником является известная «Партизанская песня» — «По долинам и по взгорьям» (слова С. Алымова, мелодия Атурова).

⁷ В тексте: *не*.

Хорошо жить Гансу с Машей,
Маше⁸ с Гансом тоже да.

Не один раз видел чудо,
Дорогие господа.
Но такое еще чудо
Я не видел никогда.

Все как будто шло порядком,
Но вот, извольте, да —
Немец Ганс пропал безследно,
Неизвестно, как, куда.

Маша плачет, Маша рыщет,
Бегает туда-сюда,
Но нигде его не сыщет —
Ганс пропал, и навсегда.

«Как же так», — вдруг мыслит Маша,
«В чем же дело?» — говорит.
А того не замечает,
Что у ней живот болит.

Так проходят дни за днями,
Маши нашей нет нигде.
И встречаем нашу Машу —
Как вы думаете, где?

Да в Германии уж Маша,
С Машей ходит Жорж-француз,
Но беда лишь в том, что Машин
Стал живот, что твой арбуз.

Не один раз видел чудо,
Дорогие господа,
Но такое еще чудо
Я не видел никогда.

У француза нет ведь сластей,
Но наш Жорж настолько мил,
Он спокойно, без пристрастий
Машу вмиг приворожил.

Маша с Жоржиком гуляет,
Отработав вечерком,
А животик поднимает
От французика тайком.

Но француз, как мы узнали,
Был не глуп, об'ездив свет,
И своими же глазами
Увидал он сей предмет.

Маше он и не поведал,
Что заметил, эх, беда,
Но, как немец, испарился,
Не оставив и следа.

Да, несчастна наша Маша,
Для нее второй удар,
Но теперь она — мамаша.
«Кто же муж твой?» — «Муж? — удрал».⁹

⁸ В тексте: *Маша*.

⁹ Колл. 116. П. 1. № 21. По сюжету напоминает народные романсы о горькой судьбе соблазненных девушек, например, «Много песен мы слышали, На свете много есть утех» (Современная баллада и жестокий романс. СПб., 1996. С. 90, № 66).

3

Пройдут года

Пройдут года, наступит время,
Когда теперешние дети станут стариками,
Нас на покой снесут,
Где будем отдыхать от бремя,
Но наш прошедший путь поведают векам.
Да, будет что своим любимым внукам
Порассказать про наш двадцатый век.
Какие тяжести, каким был предан мукам —
Нашим врагам, наш русский человек.
Когда начнешь рассказывать ты внуку
Про то, как враг наш край уничтожал, —
Ухватит внук твою худую руку
И скажет, чтобы ты не продолжал.

Но ты, не замечая страх внучонка,
Поведаешь ему, как враг губил людей,
Как жег в огне и деда, и ребенка,
Как убивал отцов и матерей.
Как угонял людей он наших в рабство
И заставлял нести тяжелый труд,
Морил их голодом и всяко издевался,
Велел купаться, лезть в холодный пруд.
Да миллион людей нашей¹⁰ губило
От рук врагов, бандитов, пауков.
Те братья так и не достигли
Освобождения от оков.
Так будет дед рассказывать внучонку,
А внук прижмется плотно к старику.
И вдруг, поднявши детскую ручонку,
Он крикнет громко: «Смерть врагу!»
И этот страшно-резкий крик ребенка
Дойдет до уха злого паука,
И у бандита выпадет винтовка,
И кровь застынет в сердце у врага.
Границы наши будут очень крепки,
Там внук стоять наш будет на пору.
Его удар и выстрел будут¹¹ метки,
А взгляд его внушает страх врагу.
Конец.

Записали:

1) Елена Эшмидт, невольница, русская, 1922 г. рождения, жительница Калининской области, г. Кимры, ул. Розы Люксембург, дом № 1. Записано в Австрии, в г. Шремс, в июле 1945 г. Елена Эшмидт — русская девушка, угнанная в рабство с¹² Кавказа, где она училась в институте;

2) Раиса Николаевна Ильчукова, 1926 г. рожд., урож. Коми АССР, Сыктывдинский р-н, с. Пагга. Тоже невольница.¹³

4

Беглецы

По германской дороге
Все в поту от тревоги
Уходили мы с другом домой.
Чтоб удрать от фашистов,
Мы спешили так быстро,
Что не слышали ног под собой.

¹⁰ Возможно, *наших*.

¹¹ Исправлено из *очень*.

¹² В тексте: *из*.

¹³ Колл. 116. П. 1. № 27.

Так прошли мы кусочек
 В сорок девять версточек
 И решили хоть раз отдохнуть;
 Да и ночка проходит,
 Скоро немцы заходят,
 Надо быстро спешить улизнуть.

И до будущей ночки
 Лезем с другом в кусточки,
 Чтобы спрятать себя от врагов.
 Чуть дыша от волнения,
 Мы забились в коренья
 И сидим почти молча, без слов.

И за весь тот денечек
 Съели хлеба кусочек,
 Голод крепко давал себя знать.
 Но ты сам, видно, знаешь,
 Что поесть не достанешь,
 Хоть голодный был, стал подыхать.

Вот темно уже стало,
 И пора нам настала
 Из берлоги своей вылезать.
 Запустив впередонки,
 Как голодные волки
 Мы пустились с другом бежать.

Записала Елена Эшмидт в июле 1945 г. в г. Шремс (Австрия).¹⁴

5 Песня

Песни жалкие, погребальные,
 Словно плачущий крик лебедей.
 И печальные, и прощальные
 Взоры нежные русских людей.

Где свободная и обильная,
 Где любимая нами без мер,
 И могучая, и весельная
 Наша Родина — СССР?

Где ты, радости удаль прежняя,
 Гордость, сытость, веселья река?
 Где ты, Родина-Русь безбрежная?
 Далека, далека, далека!

Родной матери горькой песнею
 Лейся слез половодья река.
 Долю жалкую, беспросветную
 Ты поведай раба-горняка.

Эх, Германия, нелюдимая,
 Голод, палка, звериный конвой,
 Ты проклятая, нелюбимая —
 Хоть в могилу ложися живой.

За оградою, за колочкою
 Еле двигаясь, гнил, прозябал
 И заразную, свержвонючую¹⁵
 Из отбросов похлебку хлебал.

¹⁴ Колл. 116. П. 1. № 27.

¹⁵ В тексте: *сверх вонючую*.

Утром сонного и голодного
Пожирала надшахтная клеть,
И меня, раба преисподнего,
Принимала в объятия плеть.

За работою непосильною
Еле двигаясь, уголь долбил,
Меня слабого — палкой длинною
До полусмерти палкой побил.

Кровью алою истекаючи,
Проклиная фашистов-зверей,
Шел я «на-гора», спотыкаячись,
Перевязывать раны скорей.

Сверлят голову мысли колкие:
Завалиться в забое живым!
Мщенье-ненависть жилой горькою
Разливалась в теле туман.

Раны страшные — кровь сочилась,
В бане тесной омыли меня;
В голове моей помутилось,
И бесчувственным падаю я.

В муках к мукам вновь пробуждаюсь,¹⁶
Смерть оставила мучиться вновь.
Надо мною зло издеваются,
Снова голод, побои и кровь.

Речи слышатся погребальные,
Лиц бескровных, голодных людей,
И печальные, и прощальные
Вижу взоры любимых друзей.

Долю горькую, нелюдимую
Кто расскажет раба-горняка?
Моя Родина, мной любимая,
Далека, далека, далека!

Записала Елена Эшмидт в г. Шремс (Австрия) в июле 1945 г.¹⁷

6 Фронтовые друзья

С новым годом, друзья фронтовые,
Честь и слава отчизне родной.
Новый год мы встречаем впервые
Не с детьми, не с семьей, не с женой.
Снег на соснах лежит онемелых,
Над окопами звезды горят.
И впервые¹⁸ в руках огрубелых¹⁹
Не бокалы, а фляги звенят.
Дует ветер холодный и колкий
Так приветливо с милой²⁰ земли.
Новогодние детские елки
Огоньками мелькают вдали.
Рвутся бомбы, метели бушуют,
Наши жены, наверно, сейчас
Фотографии наши целуют,
Вспоминают с любовью о нас.

¹⁶ В тексте: *пробуждаются*.

¹⁷ Колл. 116. П. 1. № 22.

¹⁸ В тексте: *в первые*.

¹⁹ В тексте: *огребелых*.

²⁰ Исправлено из *родной*.

А теперь пусть дрожат людоеды,
 Мы не выпустим зверя из рук.
 Новый год будет годом победы,
 Годом встреч, а не годом разлук,
 Годом нашей суровой расправы²¹
 И расплаты с врагом до конца.
 Слезы Харькова, слезы Полтавы,
 Слезы Киева жгут нам сердца.
 Конец.

Раиса Николаевна Ильчукова, 1926 г. рожд., невольница. Коми АССР, Сыктывдинский район, село Пажга. Г. Магдебург (Германия) — Шремс (Австрия), 23.08.1945.²²

7

К моему народу

Глядя на твой спокойный вид, как прежде
 Люблю тебя, великий мой народ,
 Я верю твердо, жду в большой надежде,
 Что долгожданный день наш скоро к нам придет.

С тобой²³ я, мой друг, во всем согласен,
 Прошу принять меня в твой тесный ряд.
 Наш путь с тобой еще не безопасен,
 Но наши взоры радостью горят.

Ты перенес здесь в рабстве очень много,
 В твоей груди уж нет тех прежних сил,
 Но потерпи, осталось немного,
 Ты скоро оживешь и будешь²⁴ жить, как жил.

Я чувствую души твоей страданье,
 Я вижу рану сердца твоего.
 Поверь (в) мое чистейшее признание
 И выслушай меня, как друга своего.

Я знал всегда, в чем был ты недоволен,
 И видел, в чем обижен был, когда
 Ты спину гнул, но взгляд твой был спокоен.
 Слез на очах твоих не видел никогда.

Да и к чему? Напрасно были слезы,
 Тогда никто не мог их увидеть.
 От наших слез нам не было бы пользы,
 Так для чего напрасно их терять.

Ты перенес без жалоб все мученья,
 Прошел тернистый и опасный путь.
 И сердце вдруг забилося от волненья,
 Что и тебе настал час отдохнуть.

Да, тяжела была, друг, наша доля,
 Но этой тяжелой доли уже нет,
 Теперь с нас спала прежняя неволя,
 Мы вновь увидели свободной жизни свет.

Теперь у нас одно с тобой стремленье,
 И никаких других стремлений нет.
 Забыть скорей проклятое глумленье,²⁵
 Увидеть родину и ласковый привет.

²¹ Исправлено из *расплаты*.

²² Колл. 116. П. 1. № 45.

²³ В тексте: *стобой*.

²⁴ В тексте: *будет*.

²⁵ В тексте: *глумление*.

Глядя на твой спокойный вид, как прежде,
Люблю тебя, великий мой народ.
Я верю, твердо жду в большой надежде,
Что долгожданный день тот скоро к нам придет.
Конец.

Записала Елена Эшмидт в городе Шремс (Австрия) в 1945 г., в июле месяце, и Раиса Ильчукова.²⁶

8

Десять винтовок

Девять²⁷ винтовок на весь батальон,
В каждой винтовке последний патрон,
В рваных шинелях, дырявых лаптях
Били мы немцев на разных путях.

Всю Украину он грабил и жег,
Так что за нами остался должок.
Час подошел, наступила война,
Время, друзья, расплатиться сполна.

Вот эта улица, вот этот дом,
В городе нашем, навеки родном,
Улицей этой врагу не пройти,
В дом этот светлый врагу не войти.
Танки и пушки фашистов громят,
Летчики наши на запад летят.
Черного Гитлера подлая власть
Крутится, вертится, хочет упасть.

Записано Ефимычевым и Найденко — бывшими пленниками концентрационного лагеря в г. Магдебурге (Германия) в 1945 г.²⁸

9

Изменница Танюша

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
А в зеленом садике Танюшу
Целовал ефрейтор молодой.

И смеялась милая Танюша,
И смотрела весело в глаза,
Ей казалось, что ее Ванюша
Никогда, как Фриц, не целовал.

Не резвись, не радуйся, Танюша,
Что тебя сам Фриц здесь полюбил,
Он стащил в соседнем доме платье
И тебе в подарок притащил.

В это время друг ее Ванюша
На Украине бой ведет с врагом.
Он мечтает только о Танюше,
О прекрасном друге дорогом.

Но смотри ты, милая Танюша,
Еще вернется Ваня к тебе вновь.

²⁶ Колл. 116. П. 1. № 29.

²⁷ Так в тексте.

²⁸ Колл. 116. П. 1. По ритмике и по некоторым поэтическим строчкам можно предположить, что источником данного текста является популярная в довоенные годы песня «Крутится, вертится шар голубой» из кинофильма «Юность Максима» (1974).

За торговлю телом и душой,
За расплату станет твоя кровь.

Записана со слов репатрированного Байдакова Михаила из г. Чернигова, 21 год. Кремс (Австрия), декабрь 1945 г.²⁹

10

Год новый

По счету третий я встречаю
Год новый в дальней стороне,
О прошлом много вспоминаю,
И кровь волнуется во мне.

Очаг семейный, счастье жизни,³⁰
Прошедшие свои года.
Прошло то *(в)се*, но отчизна
В памяти моей всегда.

Все в Новый год мои желания
Умячить горе и печаль,
Чтоб скрылись дни, времен страдания
И встретить вновь родную даль.

Вернуться³¹ здоровым в дом родимый,
Приветствовать свои края,
Жену и мать, детей любимых,
О, милый друг, желаю я!

Записала Александра Бойченко в г. Кремс (Австрия) в декабре 1945 г.³²

11

Живу в разлуке я с тобою,
Отчизна милая моя,
Но я всегда с одной мечтою
Отчизна-мать, люблю тебя!

На восток я гляжу и волнуюсь,
Любимым Востоком горжусь.
И в мыслях тобою люблюсь,
Моя необъятная Русь.

Записала Александра Бойченко в г. Кремс (Австрия) в декабре 1945 г.³³

12

Ухабы

Гладь дороги прямой, разве узкая?
Отчего же идти³⁴ стороной?
Почему же ты, девушка русская,
Хочешь стать непременно иной?

Ты пришла пылинкою снежной,
Так зачем же любить чужака?
Хоть ласкает тебя рукой нежной,
Но ему все же ты далека.

²⁹ Колл. 116. П. 1. № 30. По ритмике и некоторым стихотворным строчкам можно предположить, что источником текста является песня «Катюша» (музыка М. Блантера, слова М. Исаковского).

³⁰ Зачеркнуто: *вспомнив тризну*.

³¹ В тексте: *вернутся*.

³² Колл. 116. П. 1. № 31.

³³ Колл. 116. П. 1, № 31.

³⁴ В тексте: *итти*.

Ну зачем же ты лезешь из кожи?
 Чтoб закрыться чужой скорлупой?
 Хочешь быть на себя непохожей³⁵
 И становишься просто смешной.

Из тебя все давно уже вынуто,³⁶
 Ты осталась с душою пустой.
 Среди них как своя ты не принята,
 И для нас стала тоже чужой.

Записала Вера Орленок со³⁷ ст. Дно в г. Кремс (Австрия) в декабре 1945 г.³⁸

13

Не рассуждай, не хлопочи,
 Безумство ищет, глупость судит.
 Душевные раны сном лишь лечи,
 А завтра быть тому, что будет.

Живи! Умей все пережить:
 Печаль, и радость, и тревогу.
 Чего желать? О чем тужить?
 День пережит, и слава Богу!

Записала Вера Орленок со³⁹ ст. Дно в г. Кремс (Австрия) в декабре 1945 года.⁴⁰

14

На закате

На закате ходит парень
 Возле кухни у ворот.
 Поглядит на полиция
 И покажет на живот.
 И кто его знает,
 Чего он желает.
 Он вчера набрал капусты,
 Думал каши наварить.
 Кушал, кушал, — «В брюхе пусто», —
 Полицаю говорит.
 И кто его знает,
 Чего не хватает.
 А в бараке сидит скучный —
 Не танцует, не поет,
 Заглянет в пустую миску,
 Отвернется и вздохнет.
 И кто его знает,
 Чего он вздыхает.

³⁵ В тексте: *не похожей*.

³⁶ В тексте: *вынято*.

³⁷ В тексте: *из*.

³⁸ Колл. 116. П. 1. № 32.

³⁹ В тексте: *из*.

⁴⁰ Колл. 116. П. 1. № 32. Стихотворение Ф. И. Тютчева записано с некоторыми неточностями. Подлинный текст звучит следующим образом:

Не рассуждай, не хлопочи —
 Безумство ищет — глупость судит;
 Дневные раны сном лечи,
 А завтра быть чему — то будет...
 Живя, умей *все* пережить:
 Печаль, и радость, и тревогу —
 Чего желать? О чем тужить?
 День пережит — и слава Богу!

Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и писем в 6 т. М., 2002. Т. 2. С 18.

Как мелькнет кто у окошка,
 Он туда уже спешит.
 Постучит в окошко ложкой⁴¹
 И тихонько так стоит.
 И кто его знает,
 На что намекает.
 А спросили, что не весел,
 Иль, быть может, нездоров.
 — Целый час вот жду добавки
 Я от наших поваров.
 И кто его знает,
 Чего он ожидает.
 Ты добавки не получишь,
 Не надейся и не жди,
 Суп возьми и к полицаю
 Сигаретой подойди.⁴²
 И кто его знает,
 Зачем он не знает.
 Но решил наш парень видный
 Сигареты сам курить
 И немецким ребятишкам
 Птички, бабочки лепит.⁴³
 И кто его знает,
 Что он затевает.
 Три дня с ряду без устали
 Он гусенка городил.
 Пилил долго, стругал тонко —
 Получился крокодил.
 И кто его знает,
 Зачем так стругает.
 А на утро с тем гусенком
 Стоит первый у строю.
 — Вот продам я так гусенка —
 Хлебом сумочку набью.
 И кто его знает,
 Зачем так мечтает.
 Но на шахте с нашим парнем
 Вышел маленький скандал:
 Полицей забрал гусенка,
 Хлеба корочки не дал.
 И кто его знает,
 Зачем он забирает.
 Снова ходит парень этот
 Возле кухни у ворот.
 Поглядит на полицаю
 И кто его знает,
 Чего он желает.

Записала Раиса Ильчукова.⁴⁴

⁴¹ В тексте: *ложкой*.

⁴² Возможно, *с сигаретой*.

⁴³ Исправлено из *летят*.

⁴⁴ Колл. 116. П. 1. № 38. По сведениям Н. И. Имшенецкого, она прибыла из г. Магдебурга. Запись была сделана в г. Шремс (Австрия) в июле 1945 г. Можно предположить, что источником песни является песня «И кто его знает» (текст М. Исаковского, музыка В. Захарова).